

Август

Август, все тайны свои выдай!
Из потемневшего дома выйду.
Подпись в открытке «Прощайте! А. Лиделл»
В бисеринках росы.
Если во сне взрослеют дети,
Если в газетах сплошные сплетни,
Если объятья тесней, чем петли,
Заводить ли часы?
Сад весь в паучьей сквозной штопке,
Первые яблоки падают робко.
Горечь—она во второй стопке,
Как и шум в голове.
Если трезветь уже нет смысла,
Если упавшее яблоко—кисло,
Если гниют по пути письма,
То зажигать ли свет?
Окна забыты, забыт адрес.
Из лепестков твоих губ абрис
Складывает на скамье август—
Этим губам не цвезть.
Если сентябрь перешёл границу,
Если я не перелётная птица,
Если стекло накрывает лица,
То почему я здесь?
Тихое утро, чай вчерашний.
Облако, озеро и башня.
Жить в ожиданье—моё брашно,
Что ночам не отнять.
Если прострелены жёлтым кроны,
Если дожди омывают кровью,
И ничего не осталось, кроме—
Ждать. Значит, буду ждать.
Тише, милая, это не смерть—
Это осень пришла посмотреть,
Как дожди вымывают твою невесомую плоть.
И не плачь, ангел мой, не кричи,
Поучись лучше-ка у свечи:
Тай безропотно, воском не смея их рук уколоть.
Как бездомный осенний листок
Обнажает свой хилый остов,

Так и ты—не стесняйся своих опустевших глазниц,
Позвонков беломраморных бус.
Я тебя, мой цветок, не боюсь.
Даже небо пред ликом твоим опускается ниц.
Королева дождей октября,
Вслед за мной, над асфальтом паря,
Ты плывёшь. И в остатках дыхания—плесень и гниль.
Милый, это не дождь—кислота.
Я растаю. Я слишком пуста.

...То ли снег припорошил крыльцо, то ли костная пыль.

А в окнах домов кровь, кровь, грязь.
Дайте мне головой на закат упасть,
Чтоб все видели кровь на моих волосах,
Чтобы ветер на теле моём плясал,
Чтобы уголь последних весенних ночей
Мне на лбу оставил оттиск: «Ничей».
Когда из глаз моих тысячелистники прорастут,
Я буду всё ещё тут, всё ещё тут.
Идя на закат, букет составляя так:
Куриная слепота, берцовая кость, мак.

Я написала бы о фонарях,
И о гирляндах, и о телефонах.
О том, как разбиваются плафоны.
О том, как лампочки горят.
О рожице на матовом стекле,
Скорее даже рожее—чёрной сажеей.
О том, как морось по стеклу их мажет.
Об их тепле. Негреющем тепле.
О том, как светят в темноте экраны—
И слабо, и неверно. Долгожданно.
Что телефон скорей для света дан нам,
А не для набивания карманов.
О скромности: как гаснут на рассвете.
И об ошибках: те, что не погасли.
О соке света и о света масле.
Могут их одиночество отметить.
Да, я могу. Могла бы. Я б хотела.
Но тёмнен телефон. Гирлянды спят.
У фонаря в окне нимб слишком свят.
И я, увы, уже перегорела.

Ничто

Разлетятся в снежную пыль все мои мысли.
И пока сугробы наращивают мышцы,
А в руках трещат нелетучие мыши,
С боку на бок ворочается земной шар,
Я останусь наедине с тишиной ночи,
С перерезанным телеграфом, молчащей почтой,
Со стихами, отредактированными в клочья,
Как моя вечно не в рифму, не в ритм душа.
В промежутке между сердечными там и тамом
Смотрит в глаза пустота донышком стакана.
Может быть, это не боль, а стиль — сканди,
Не дефицит, а свежий минимализм?
Так почему тогда холодит спину,
Кожа моя для тела излишне скинни,
Спальня — как будто с места убийства снимок,
Что раз за разом делает криминалист?
Каждой клеточкой чувствую недостачу.
Перегорели глаза — напряжение скачет.
Книгу судьбы написал мне, увы, не Пратчетт,
А Даниель Дефо или Джонатан Свифт.
И ни одной иллюстрации, право слово,
Слышу злое, вижу злое, говорю злое.
Я затыкаю дыры, но они вскрываются снова.
Я затыкаюсь. Nihil меня хранит.

Княжна

Я пришёл за вирой, княжна.
Я пришёл за верой в весну.
Бесконечно ночь холодна
И стегает ветер, как кнут.
Опустела моя казна —
Всё ушло на войну с зимой.
За спокойные сны, княжна,
Заплати же, и чёрт с тобой.
Поцелуй урони в ладонь,
Плечи бархатом рук обвей.
Я шагал противусолонь,
Я был сильным. Но ночь сильнее.
Сквозь ресницы твои, княжна,
Распускается сон-трава.
Я уже три луны без сна.
Я замёрз. Ты была права.
Наготове снежинок рать,
Сталь мороза обнажена.
Я пришёл к тебе умирать.
Я пришёл за вирой, княжна.

Купальская ночь

Три капли греха на моём языке,
Три сорванных с веток чужих поцелуя.
Я возле костра. Я смеюсь и танцую.
И бьётся рассвет вдалеке.

И руки... В чужих торопливых руках
По пригоршне красных древесных углей.
И губы чужие неистовой, злей,
А я вся вытягиваюсь на мысках.

Сквозь запахи жёстких, раздавленных трав,
Сквозь воздух, холодный, ночной и живой,
Взлетаю и падаю — мне не впервой.
Крыло моё — белый рукав.

В беспамятстве небо раскинулось. Искр
Испуганных рой улетает во тьму.
А я всё никак слов чужих не пойму.
Невнятен их выговор, быстр.

Я в коконе ночи, но срок мой придёт,
И шёлк этих рук разорвать я смогу,
Чтоб долго сидеть на речном берегу,
Глядеть, как рассвет восстаёт.

Снег

Прошу, опубликуйте снег
В обложке мягкой, чтоб
Его обычный человек
В сердцах захлопнуть мог,
Задвинуть в дальний уголок,
Закинуть под кровать.
Чтоб человек обычный мог
Его не открывать.
Чтоб на него пролили чай,
Чтоб пёс его погрыз,
Чтоб под обложкой снег скучал,
Линял, почти раскис.
И чтоб однажды человек
Движением руки
Раскрыл забытый всеми снег —
И начался снежинок бег
С подчёркнутой строки.